

SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF FOOD NAMES**Dinora Ravshanbekovna Rakhimova**

Master's student in Linguistics (Uzbek language),

Urganch RANCH Technological University

Аннотация. В статье подробно рассматриваются семантические и стилистические особенности названий блюд, используемых в северохорезмских узбекских диалектах. Раскрывается взаимосвязь названий блюд в диалекте и литературном языке, их лексические, семантические и номинативные особенности. В исследовании на примерах рассматривается происхождение названий блюд, их связь с тюркскими и персидско-таджикскими языками, вариативность, синонимия, антонимия и случаи использования в переносном смысле. Также обосновывается необходимость включения некоторых диалектных названий блюд в норму литературного языка. Статья имеет важное научное значение для изучения диалектного богатства узбекского языка и обогащения литературного языка.

Ключевые слова. Названия блюд, диалектизмы, узбекские диалекты, литературный язык, номинативность, вариантность, синонимия, антонимия, многозначность, Хорезмские диалекты

Abstract. This article comprehensively analyzes the semantic and stylistic features of food names used in the Uzbek dialects of Northern Khorezm. The interaction between dialect and literary language in the names of dishes, their lexical, semantic, and nominative features are revealed. The study examines the origin of food names, their connection to the Turkic and Persian-Tajik languages, and examples of variability, synonymy, antonymy, and figurative use. The need to include some dialectal food names in the standard of the literary language is also justified. The article is of significant scientific importance in the study of dialectal richness of the Uzbek language and the enrichment of the literary language.

Keywords. Food names, dialectism, Uzbek dialects, literary language, nominative, variability, synonymy, antonymy, polysemy, Khorezm dialects

Названия блюд тесно связаны, с одной стороны, с диалектизмами, а с другой со всем содержанием литературного языка, особенно его фразеологическим составом, терминологией. Диалектизмы, в свою очередь, связаны с литературным языком, его фразеологизмами и терминологией. Названия блюд в северных хивинских диалектах

узбекского языка связаны, с одной стороны, с диалектным составом, а с другой — с составом литературного языка.

Учитывая это, можно сказать, что названия блюд, собранные на территории, диалектизмы на языке территории, как материал единого узбекского языка, также используются как устойчивые элементы в системе литературного языка. Он существует только как диалектизмы, как и используемые названия блюд (kürtik/kürdyk, tëshəp, djauman, chubat, chəkiydə, qayyish, irimchik, chyykildəvik, vag'lama, chərək, ichləmmə, bərək, chang'alaq bərək, gəshir m'rabba, iydjan), которые используются в качестве нормы в литературном языке, в диалекте также именно в таком виде есть также названия блюд, которые (с некоторыми фонетическими изменениями) практикуются. У некоторых названий таких блюд есть эквиваленты в литературном языке, у некоторых нет эквивалентов в литературном языке, и необходимо взять их из диалектов и включить в литературную языковую норму, обогатив таким образом систему литературного языка. Например, путаница в использовании одного из названий этого блюда — слова «икра», которое пришло из русского языка. Это слово употребляется как в отношении рыбных продуктов (черная икра, лосось), так и в отношении нарезанного жареного сорта овощных продуктов (томатная икра, баклажанная икра). В «Русско-узбекском словаре», изданном в 1983 году, это слово также применялось к овощам. То же самое повторяется и в «Узбекско-русском словаре», изданном в 1988 году. Разница лишь в том, что в более позднем словаре, изданном в 1988 году, также приводится вариант слова «икра» «увулдырик», присутствующий в хорезмских диалектах и узбекских диалектах изучаемой территории. Однако слово «увулдир» еще не вошло в норму литературного языка. По нашему мнению, в отношении рыбной продукции целесообразно использовать слово «икра», а в отношении овощных рагу — вариант «увулдирик» в его диалекте. В русско-узбекском словаре 1983 года для обозначения овощных икр использовалось словосочетание “to'g'ramcha ovqat”. Для узбеков «тограмча овкат» — это неопределенное блюдо. Если бы был выбран вышеуказанный путь, эти неопределенности были бы устранены.

В ведущих диалектах узбекского языка именительной основой в названии блюда являлось слово shir+guruch (shir-sut), shir+qovoq, shir+choy, заимствованное из персидско-таджикского языка. Напротив, в узбекских диалектах и соседних тюркских языках тюркский элемент выполнял функцию именительного падежа. Это состояние

также можно увидеть в названиях блюд, таких *təshəp*, *chalop*, *qaymaq*, *qymyz*, *gədjə*, *djavg'an*, *syqman*, *djarma*, *ynashy*, *ətələ*, *achyg'an*. Возникновение этих названий блюд произошло по разным причинам и основаниям. Например, такие названия, как *syqman* (сжимать), *yarma//djarma* (измельчать), *uzman* (измельчать), *chalop* (взбивать, смешивать), *ətələ* (смешивать), *achyg'an* (ферментировать), означают, что эти продукты возникают в результате этих действий, в то время как *vag'lama*, *qimiz* имитирует и иллюстрирует возникновение названий блюд за основу были взяты слова (*vag'g'* – подражательное слово; *qymyz* – шевелиться, в значении постоянно кипеть, дрожать).

Кроме того, в названиях некоторых блюд отражены экономические и культурные связи населения изучаемого региона с соседними народами и некоторыми странами. Потому что термин *Мошон* возник на основе персидско-таджикского языка и присутствует в качестве основного элемента в таких названиях блюд, как *moshoba*, *moshxo'rda*, *moshxo'rak*, *moshkichiri*. Из них только названия блюд *məshəvə*, *moshkichiri* встречаются в узбекских диалектах изучаемой территории (*mosh+ob*). В других диалектах названия блюд из *мошхора* практически не встречаются в узбекских диалектах изучаемой территории. Еще одно блюдо, приготовленное из *маша*, которое изучается в узбекских диалектах, называется *mash syqman*. Это блюдо представляет собой разновидность пищи, которая получается путем выдавливания и смешивания теста, приготовленного из муки нута и кукурузы. В образовании этого названия также приняли участие слова *mash* (персидско-таджикское) и *syqman* (тюркское от *siqmoq*).

Использование названий блюд в переносном смысле в разговорной речи — обычное явление. Например, в то время как *gətmə* используются в значении *сомса* как название блюда, в разговорной речи они используются в значении “безвольный, растяпа, тот, кто не может ничего сделать, тот, кто не хочет, тот, кто толстый”: *Нə gətmə seniң, tez-tez үydiң jумышларын қыл* (кипчакский диалект). Кроме того, в изучаемой местности название сладости «бал» также используется в значении *Bal ekən meniң balam: Bal экен мениң балам*. Подобные полисемантические особенности широко распространены среди народных слов и названий блюд. Это явление называется межъязыковой полисемией. Это часто встречается в языковой системе. Полисемия и омонимия в сетях встречаются редко.

В слое названий блюд встречаются названия блюд с *iri күrtik*, *məydə күrtik*, а также *achchy-chuchchy* блюда. Здесь антонимом к слову *iri* (большой) может быть

слово *məyde*. Эти названия блюд образуют антонимическую пару: *iri kurtik va məyde kurtik*. Каждое слово в нем является самостоятельной лексемой. Название блюда «*Achchy-chuchchy*» — это одно слово, имеющее одно значение. Итак, *iri kurtik va məyde kurtik* поскольку названия блюд представляют собой две лексемы с противоположными значениями, они являются антонимами по отношению друг к другу, в то время как двойное слово *achchy-chuchchy* это одна лексема, образованная с участием антонимов.

В системе названий блюд также наблюдается явление вариантности. Потому что не все названия блюд выполняют номинативную функцию, и каждому предмету дается одно название. В области диалектной терминологии вариативность диалектизма, по мнению некоторых исследователей, широко развита в области терминологических диалектизмов Бухарской, Навоийской областей.

Явление вариативности также часто встречается в системе названий блюд. Например, *yavg'an ash – djavg'an ash, turaq – doraq, dog'rama – tuvrama, chybat – chubat – shubat, burunch ash – gurich ash, uyilash – djyilash*.

Поскольку изучаемый регион относится к кипчакским диалектам узбекского языка, встречаются случаи, когда одно и то же блюдо имеет два или более названий. Потому что *vag'lama – qora sho'rva – ruava* (жидкое блюдо без мяса, которое готовится только из лука – шалота) названия этого блюда используются в регионах, характерных для Огузского диалекта, *sutbirinch* (Огузский диалект), который готовится из молока и риса, *sutguruch – sutpalav* (кипчакский диалект), *ildirmə* (Огузский диалект), которая готовится из черники и овсянки, *kək bylamyq* (Огузский диалект). Кипчак названия блюд, такие как (диалект) изучаемый регион используются в качестве вариантов названий в узбекских диалектах. Наличие таких синонимичных явлений в системе названий блюд обуславливает их стилистические различия.

При лексическом разборе названий блюд на хорезмских диалектах становится очевидным, что одно и то же название блюда в двух диалектах произносится по-разному, процесс приготовления одинаков, но выражается в другом-другими названиями. Также изучаемая территория название блюда, употребляемое на одном диалекте, не свойственно другому диалекту, за исключением фонетических, морфологических, лексических различий в узбекских диалектах. Например, в Янгибазарском и Гурланском районах используются такие названия блюд, как *syzmə palav, qətyr bəgək, üzmə, süməsym*.

В заключение следует отметить, что население каждого региона имеет свой собственный образ жизни и этническую идентичность, не похожую на образ жизни населения других регионов. Следует отметить, что население каждого региона имеет свой собственный образ жизни и этническую идентичность, не похожую на образ жизни населения других регионов.

Список использованной литературы:

1. Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия. – Тошкент: Фан, 1968. – Б. 67.
2. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: 1957. – С.169; 8.
3. Виноградов В.В. Идеалистические основы синтаксической системы А.М. Пешновского // Вопросы синтаксиса русского языка. – М., 1950. – С. 42.
4. Галина – Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. – М.: 1962. – С. 103.
5. Гепнер Ю.Р. Фразеология в системе русского литературного языка // Вопросы фразеологии. – Ташкент, 1965. – С. 30.
6. Кошғарий М. Девону луғотит турк. 3 томлик. – Тошкент, 1961. Т. II. – Б. 175.